

Alla Kamalova

Bałtycki Federalny Uniwersytet im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie

Духовность и святость в романе Евгения Водолазкина *Лавр*

В художественном произведении мы имеем мир, отраженный, преломленный, воспринятый человеческой душой...

В.Г. Короленко

Евгений Водолазкин написал парадоксальный текст, который должен объединить роман и житие.

А.В. Татаринов

При всех различиях художественных направлений в литературно-художественном творчестве тексты объединяют общие инструменты авторского исследования действительности: обращение к архетипу, к архетипическому ритуалу, мифам, символике. Как пишет Эмилия Фесенко, «... писатели сознательно или неосознанно вместе со своими героями ищут ответы на *вечные вопросы*, а герои их произведений являются носителями как бы вечной человеческой сущности» [Фесенко 2008, 30]. Обращение к архетипу позволяет понять глубинный смысл текста, связь времен, но также обнаружить путь и способ самовыражения автора, «представить разные грани человеческого характера в его отношениях с миром, другими людьми, самим собой» [Фесенко 2008, 32].

Вечные вопросы или *вечные темы* могут быть обобщены и представлены в виде системы; смыслы *вечных тем* соотносятся со знаниями о природе (онтологические темы: *свет, тьма, Земля, космос*), о человеке (антропологические темы: о бытии человека – *жизнь, смерть, грех, праведность* и под., о социальных отношениях – *любовь, семья, власть, карьера*, о важнейших исторических событиях – *война, мир, государство, революция* и под.). Однако выявляются темы, обобщающие разные ипостаси бытия человека и общества, это *добро, зло, нравственность, грех, любовь, вера* и под. Представляется корректным объединить их темой с категориальным значением – *духовность*.

Обращение к словарным дефинициям слова-понятия *духовность* выявляет неоднозначное понимание и разнообразные толкования [*Новая философская энциклопедия* 2010; Гусейнов, Кон 1989]. Не ставя задачей анализ данной проблемы, кратко изложим ее суть.

Представить объем и содержание категориального понятия *духовность* трудновыполнимо по ряду причин. Категория *духовность* находится в парадигмальных отношениях с понятиями *нравственность, милосердие, святость, любовь, Бог* и под., значения которых обусловлено исторической, социальной и культурной ситуацией конкретного сообщества. Отмечается, что

Язык не способен точно и емко выразить все содержательное богатство и сложность такой субъективной, межсубъективной и трансубъективной реальности как *духовность*. Ведь дать определение – значит задать пределы действия данного понятия, границы его применимости в рамках более широкого видового понятия. Что касается *духовности*, ее невозможно ухватить сетями понятийной логики, поскольку у нее нет пределов, задаваемых понятием более широкой степени сложности [Сабекия 2013].

Бытующие представления о *духовности* следует связывать с двумя различными видами деятельности: теоретическое осмысление, понимание и описание данного понятия, а также практический опыт, путь обретения *духовности*. В понимании и описании *духовности* выявляются два направления – религиозное и профанное. Религиозный подход представлен в святоотеческой литературе, в трудах религиозных философов (Николай Бердяев, Иван Ильин, Алексей Ухтомский и другие), профанный – философскими, социальными, аксеологическими, биолого-психологическими воззрениями. В конце XIX века к *духовности* начинают обращаться психологи; это, например, труды Вильгельма Дитлея (он связывал *духовность* с различными видами творческой деятельности), Карла Юнга (*духовность* рассматривается с позиций бессознательного и архетипов), Абрахама Маслоу и Станислава Грофа (психодуховная трансформация связывается с глубокими, пиковыми переживаниями).

Духовный опыт, духовные практики отражают религиозные, эзотерические и культурные традиции конкретного социума, но прежде всего они отражают религиозное или эзотерическое сознание, социальные и личностные установки практикующего субъекта. Так, например, духовный путь инок православного монастыря и тибетского монаха отличаются пониманием *духовности*, целями и ритуалами, традициями соответствующего сообщества, но в то же время выявляются определенные соответствия: они касаются

общечеловеческих ценностных ориентиров (любовь, сострадание, добрые поступки), молитвенного / медитативного состояния, соблюдения постов / строжайших диет и др. Различным духовным практикам посвящено большое количество публикаций. В качестве примера назовем анализ трансцендентных переживаний с позиций психологического подхода [Козлов 2007]. Однако нам не известны исследования, обобщающие мировой опыт духовных подвижников. Такая задача представляется трудновыполнимой по причине многообразия культур и религиозных традиций, слабой изученности эзотерических воззрений и магических ритуалов, закрытости отдельных религиозных общин и, главное, неоднозначного понимания духовности познающим субъектом.

Тексты, посвященные духовности, различны по своим задачам, их можно квалифицировать как «духовная литература» и «литература, посвященная духовному опыту». Критерием духовной литературы в европейской культуре считается ее соответствие евангельским принципам (канонические, богословские, религиозно-публицистические, религиозно-популярные тексты). Духовный опыт представлен в автобиографических текстах и в художественной литературе. Обзор художественной литературы о духовных поисках и обретениях в рамках данного исследования невозможен, в качестве примера назову некоторые произведения российских авторов: *Алисафия* Ивана Бунина, *Сказка* Бориса Пастернака, *Куликово поле* Ивана Шмелева, *Преподобный Сергей Радонежский* Бориса Зайцева.

Духовность – одно из противоречивых, размытых понятий. Описание духовных поисков, переживаний художественная литература репрезентирует на фоне мировосприятия и идей конкретного исторического периода. В качестве аргументации данного тезиса назову два «нашумевших» в свое время произведения. Это книга *Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого* Фридриха Ницше, в которой бродячий философ проповедует учение о сверхчеловеке. В первой половине XX века это произведение Ницше называлось в числе ключевых текстов Нового времени [Ницше 2006; Васильев, Кротов 2005, 486-497]. Это произведения Карлоса Кастанеды: *Учение дон Хуана*, *Отдельная реальность*, *Путешествие в Истлан*, *Сказки о силе* и др. Обостренный интерес европейского читателя к культуре южноамериканских индейцев, их философии и магическим практикам, в частности, к магическому дару дон Хуана поддерживался идеями постмодернизма на фоне научно-технической, сексуальной и психоделической революции европейского сообщества 70-80 годов XX века [Форт 2006].

Данная статья посвящена роману *Лавр*, книге Евгения Водолазкина, нашего современника [Водолазкин 2017]. Евгений Водолазкин – филолог,

литературовед, специалист по древнерусской литературе, российский писатель. Роман *Лавр*, увидевший свет в 2012 году, по версии газеты «Guardian» вошел в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге. Он переведен более чем на 20 языков; произведению Водолазкина была посвящена Международная научная конференция «Знаковые имена современной русской литературы» (Ягеллонский университет, Краков, май 2018). В работе конференции приняли участие исследователи из 19 стран, основное внимание выступающих было приковано к романам *Лавр* и *Авиатор*.

Обращение к роману *Лавр* продиктовано, во-первых, тем, что содержание книги отвечает означенной проблеме, во-вторых, тем, что это одно из наиболее авторитетных, по мнению критиков, современных произведений о Боге, любви, сострадании, а также тем, что изучение произведений Водолазкина находится в начале своего пути.

Главная коллизия романа *Лавр* достаточно сложна и проста одновременно. Это история врача XV – начала XVI века, уроженца Белозерского края, который успешно излечивал самые разные заболевания, боролся с эпидемией чумы, но не смог помочь своей возлюбленной. Он считает себя виновным в ее смерти без покаяния, в смерти новорожденного младенца, однако не пытается искупить этот грех, считая себя ничтожным, жалким, а грех свой неискупимым, но служением людям, молитвенностью, юродством – всем своим существованием просит у Всевышнего прощения и небесного покоя для своей невенчанной жены, умершей при родах.

Роман постмодернистический, он отвечает всем признакам данного эстетического направления: уже при первом знакомстве с текстом обнаруживаются аллюзии, стилевые и стилистические «скачки», эмоциональная насыщенность, абсурдность, смещение временных срезов и многое другое. Новаторский по стилю изложения и языку роман погружает читателя в мир Средневековой Руси – период бедствий, голода, чумных моров, напряженного ожидания конца света, но также это было время трансформации княжеских земель в единое государство и напряженных духовных поисков, период формирования православных идеалов и базовых ценностей, интереса к знаниям и культуре Запада.

Персонажи романа – Арсений и его друг Амброджо в своих беседах часто рассуждают о времени, о его влиянии на поступки и миропонимание человека, о цикличности исторических событий и человеческих судеб. Заметим, что феномену схожести событий в судьбах отдельных личностей, государств и даже цивилизаций, разделенных временем и пространством, посвящены исследования историков, философов, психологов. Роман *Лавр*

позволяет обнаружить схожесть тенденций исторических изменений в обществе, смены культурных ориентиров, духовных поисков Средневековой Руси и современной России, что, как думается, объясняет подзаголовок книги *Неисторический роман*; но также подчеркивает значимость времени для человека, поскольку «Человек не рождается готовым. Он учится, осмысливает опыт и строит свою личную историю. Для этого ему и нужно время» (с. 281).

В романе *Лавр* духовность описывается с позиций православных теологических представлений, как путь к святости. В Православии под святостью понимается духовный подвиг, подвиг служения Отечеству и прижизненные и/или посмертные чудеса. В романе Водолазкина много «странных», согласно характеристике критиков, персонажей и, соответственно, чудес. Например, итальянец Амброджо обладает ясновидением, заглядывая в далекое будущее; псковские юродивые Карп и Фома ходят по речной глади «аки по суху», не удивляя горожан, которые отмечают, что по воде ходить-то ходят, а «бегать пока еще не научились» и др.

Статья посвящена главному герою романа – Лавру, его духовному пути, суть которого – молитвенность, праведность, чудотворение, постничество, любовь, всепрощение. Этапы духовного восхождения героя соотносятся с его именами: *Аресний* – имя крестильное, *Устин* – так он представлялся согласно своей воле, имена *Амвросий* и *Лавр* – были даны при монашеском постриге. Герой романа меняет имена, местопребывание, стиль жизни, но он с юности и до преставления врачует недужных. Он Врач.

Размышления над жизнью главного героя, его поступками и духовными поисками провоцируют вопрос о прообразе героя романа; в связи с этим логично обратиться к изучению его имен и чина святости, опираясь на структуру текста. (Различаем термины *прообраз* как то, что послужило образцом для создания образа, и *праобраз* как архетип).

Если принять утверждение о том, что *Лавр* – это роман-житие, то необходимо решить две задачи. Во-первых, характеризовать тип житийного текста: житие-мартирий (описание подвига духовного подвижника) или житие-биос (повествование о жизни и духовных подвигах). Во-вторых, интерпретируя перипетии жизни главного героя как путь к святости, необходимо ответить на вопрос: «Духовный подвиг какого русского святого вдохновил автора на создание образа Арсения – Лавра?»; иными словами, обратиться к прообразу героя романа.

Роман *Лавр* выстроен по типу жития-биос: рождение, служение, преставление. Структура текста соответствует пространственно-временной последовательности событий, как и должно быть в житии-биос. Автор предпочел

логико-композиционную основу романа отразить в названиях ее компонентов – *Прологомена, Книга познания, Книга отречения, Книга пути, Книга покоя*. Следует, однако отметить, что в репликах персонажей, историческом комментарии автора выявляются «временные скачки»; что позволяет читателю интерпретировать происходящее в романе с позиций двух временных срезов, погружаясь в историю, культуру, быт, религиозные представления средневекового русича, размышлять об этом «вневременно», соотнося эти факты со знаниями, представлениями, оценкой современной России.

Книга познания посвящена детству и юности Арсения (крестильное имя), родившегося в Белозерье, в Рукиной слободке и рано осиротевшего: родители умерли во время эпидемии чумы. Его воспитанием и обучением занимался дед Христофор – врач, народный философ, ведун. Здесь, в доме, соседствующем с кладбищем, Арсений обрел и потерял любовь. Врачуя многих, он не смог помочь разродиться своей невенчанной жене Устине. В *Книге познания* монологом старца Никандра выражена главная идея романа:

...Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины все еще здесь. Это ты... У тебя трудный путь, ведь история твоей любви только начинается. Теперь, Арсение, все будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно же, от силы твоей молитвы [с. 113].

В *Книге отречения* описываются душевные смятения и скитальчество героя; он покидает Рукину слободку, отрекаясь не только от прошлой жизни, но и от имени, называя себя *Устином*. Всеведующий псковский юродивый Фома при первой же встрече с Арсением понял, о чем он думает и о чем умалчивает. Обращаясь к Арсению, говорит:

Отдавая себя Устине, ты, я знаю, изнуряешь свое тело, но отказ от тела – это еще не все. Как раз это, друг мой, и может привести к гордыне .
Что же я еще могу сделать подумал Арсений.
Сделай больше, прошептал ему на ухо Фома. Откажись от своей личности. Ты уже сделал первый шаг, назвавшись Устином. А теперь откажись от себя совершенно [с. 180].

И Арсений отказывается. Он принимает юродство как путь искупления греха и служения Богу.

Книга пути повествует о перемещениях Арсения по Руси, о паломничестве во Святую землю, о помощи больным и их чудесных исцелениях (как он теперь понимает, исцеляют не столько травы, но прикосновение, само его присутствие, молитва, сострадание); он изучает языки, обретает и теряет единственного друга – итальянца Амброджо.

Книга покоя – о возвращении в Белозерье, о монашеском постриге (инок Амвросий и схимник Лавр), о затворничестве. Поиск пустыни описывается в романе так:

Через три недели после принятия схимы Лавр покинул монастырь и отправился искать себе отходную келью. ...Он странствовал много дней... В одну из ночей ему приснилось место на возвышенности... Проснувшись утром, Лавр направился к этому месту... Оно оказалось в точности таким, каким он его видел во сне. Прочитав благодарственную молитву, Лавр поцеловал обретенную землю и сказал: *Се покой мой в век века, zde вселюся... Прими мя, пустыня, яко мати чадо свое. Собрал хвороста и нарвав травы, сложил их в пещере. И лег там спать, и сон его был безмятежен, как в настоящем доме. И во сне он был счастлив, так как знал, что это его последний дом* [с. 402].

Лавр обретает покой телесный и душевный, его тело, лежащее под сосной, нетленно, что свидетельствует о посмертном чуде.

Ответ на вопрос о прообразе предполагает анализ фактуального плана романа – событий, поступков, рефлексий главного героя, и моделирование имени святого в соответствии с традициями Русской Православной Церкви.

В практике наречения святых выработана определенная традиция, при этом имя святого, агиантропоним, выполняет функцию информационную и идентифицирующую, представляя собой свернутый смысл жития. Необходимость в идентификации возникла по причине повторяемости личных имен святых; так, например, в Православном календаре с именем Варлаам регистрируется 17 святых, Виктор – 29, Василий – 131 (о имени святого, структуре агиантропонимов см. [Камалова 2017, 6–12]). Многокомпонентная структура агиантропонимов детерминирована необходимостью в идентификации святого, она включает ряд компонентов: чин святости, антропоним и возможные дифференциаторы (номинатор, дескриптор, локализатор, агномен, когномен, этноним и др.) [Бугаева 2010]. Двухкомпонентные агиантропонимы редки и именуют ветхозаветных святых (*пророк Илия*) или святых, прославленных в первые века христианства (*первомученик Стефан*).

Анализ имен главного героя на предмет выявления прообраза ограничиваем хронологическими рамками, поскольку в произведении указаны годы жизни: 1440–1520. Соответственно, при сравнительном анализе текстов романа и агиографических источников особое внимание уделяется именам святых XV – начала XVI веков. В качестве источника имен святых избран список имен святых Русской Православной Церкви, отвечающий двум принципам построения: алфавитному (по личному имени святого) и хронологическому (указывается дата или век преставления). В Списке

за указанный временной срез регистрируется более 200 имен [*Имена святых, упоминаемых в Месяцеслове...*].

Обратимся к анализу имен *Арсений, Устин, Амвросий, Лавр*.

Арсений. Герой романа родился 8 мая 1440 года от Рождества Христова, в день памяти святого преподобного Арсения Великого. «Семь дней спустя во имя Арсения он был крещен» (Лавр, 13). Этим именем герой романа именуется в *Книге познания* и в *Книге пути*.

В списке святых антропоним Арсений встречается 12 раз; однако в соответствии с хронологическим принципом следует обратить внимание на два агиоантропонима – *Арсений Новгородский* (1570) и *Арсений Комельский* (XVI в.).

Устин. В своих скитаниях по Руси, в юродстве он пребывает в молчании, при необходимости называется *Устином*, приняв имя умершей невенчанной супруги. Имя *Устин* в списке святых не регистрируется, но есть фонетическое соответствие, именующее святого иного времени и пространства – Юстин (Ииустин) Философ, мученик Римский (II в.).

Амвросий – это имя Арсений получил при пострижении в рясофор (О монастырской практике изменения имени при пострижении см. [Успенский, Успенский 2017]). Монах Амвросий нес послушание, выполняя различные монастырские трудовые послушания (работал на кухне, переписывал книги), а под стенами монастыря постоянно были люди, ожидающие его помощи как врача. Имя Амвросий среди святых XV–XVI вв. не упоминается; в общем списке фигурируют Амвросий Медиоланский, Бессмертный (397) и Амвросий Оптинский (1891).

Имя *Лавр* – было получено при пострижении в схиму. О схиме в книге Бориса Андреевича и Федора Борисовича Успенских в сноске 2 читаем: «Вообще, когда говорится о схиме без соответствующего определения, как правило, имеется в виду великая схима» [2017, 12]. Схимник Лавр стремится к отшельничеству для пребывания в уединенной молитве и размышлениях; но этим устремлениям не дано состояться в полной мере. Приходили к нему различные лесные животные, которых он подкармливал; здесь его нашли страждущие исцеления, и он не мог им отказать; здесь он спасает от расправы односельчан отроковицу Анастасию, утратившую девство и ждущую ребенка; здесь он принял на руки новорожденного младенца; здесь окончился его земной путь. В алфавитном списке святых всего одно имя *Лавр* – это *Лавр Иллирийский* (Лавр и Флор, мученики и чудотворцы, II век).

Сравнительный анализ личных имен героя выявил следующее: роман-жизние называется *Лавр*, однако в списке православных святых такого имени

нет; в списке не регистрируется также антропоним *Устин*; не выявлено среди средневековых православных святых имя *Амвросий*. Для антропонима Арсений находим два формальных соответствия среди средневековых святых – *Арсений Новгородский* и *Арсений Комельский*. Однако для восстановления прообраза необходимо моделировать полную структуру имени святого – структуру агеоантропонима.

Слово *святой* указывает на канонизацию, но не является репрезентативным для церковной практики, так как канонизация в Православной Церкви опирается на свидетельства о духовном подвиге и чуде. Духовные подвиги множественны, они обобщены чинами (ликами) святости: *Святители, Мученики, Великомученики, Священномученики, Преподобномученики, Страстотерпцы*, а также *Исповедники, Преподобные, Благоверные* и под. [*Святые: чины святых*]. Следовательно, для идентификации святого необходимо учитывать чин святости как обязательный компонент в структуре агеоантропонима, а также принять во внимание дифференциаторы.

В соответствии с чинами святости Арсения – Амвросия – Лавра можно квалифицировать как *праведника*, в православии это святой, прославившийся духовными подвигами и праведным существованием в мирской жизни. Образ монашеского существования Лавра позволяет соотнести его с чином святости *преподобный*, что применимо только к монахам, молитвами, трудами, постом устремленным к Богу. В Списке святых XV–XVI веков *преподобные* – самый частотный чин святости этого времени. Актуален для Арсения чин *блаженный*. Термин *блаженный* как именование чина святости в истории христианства подвергался смысловым изменениям. В современной Католической Церкви этот термин характеризует подвижников, прославленных в процессе беатификации. В Православной церкви он характеризует подвижников, ведущих праведный, но нетипичный («странный») образ жизни, что может выражаться в одежде, внешности, питании, поведении и т.д. И в этом понимании термин *блаженный* достаточно точно характеризует Арсения – Устина. На Руси слово *блаженный* прилагалось к святым юродивым; *юродивыми Христа ради* в православии называют религиозных подвижников и странствующих монахов, мнимо безумных, обличающих мирские ценности, навлекая на себя оскорбления. И если *блаженный* – человек со «странным бытовым поведением», то *юродивый* – не только «странный», он обличитель общества в его грехах.

О юродстве Арсения под именем Устин повествует *Книга отречения*. Он живет на кладбище под стенами женского монастыря в Завеличье (район города Пскова за рекой Великая), наблюдает жизнь псковичей.

Арсений обходил Завеличье и следил за течением его жизни. Он забрасывал бесов камнями и разговаривал с ангелами. Знал обо всех крещениях, венчаниях и отпеваниях. Знал о рожденьях новых душ. Стоя у дома новорожденного, предвидел его судьбу. Если век его предполагался долгим, Арсений смеялся. Если ему надлежало вскорости умереть, Арсений плакал [с. 186].

Канонизация духовного подвижника предполагает чудеса, подтвержденные свидетельствами. Чудотворения Арсения были как прижизненными (спасал от мора, излечивал многие болезни, умирал бесноватых, воскрешал мертвых), так и посмертными (нетленное тело), что позволяет в структуре агеоантропонима включить номинатор *чудотворец*. Арсений родился и преставился в Белозерье, был монахом Кирилло-Белозерского монастыря, на основе этого возможно внести в структуру агеоантропонима локализатор *Белозерский*. На Руси он был известен, согласно роману, как Арсений. В *Пролегомене* читаем:

У него было также два прозвища. Одно из них – Рукинец, отсылало к Рукиной слободке, месту, где он появился на свет. Но большинству этот человек был известен под прозвищем Врач, потому что для современников прежде всего он был врачом. Был, нужно думать, чем-то большим, чем врач, ибо то, что он совершал, выходило за пределы врачебных возможностей [с. 7].

Фактуальный план текста позволяет моделировать следующий агеоантропоним: *праведник Блаженный Арсений Белозерский, юродивый Христа ради, чудотворец (Арсений Рукинец, Врач) или преподобный блаженный Лавр Белозерский, юродивый Христа ради, Врач*. Для сравнения приведем агеоантропоним святого XVI века: *блаженный Василий, юродивый Христа ради, Московский чудотворец (Василий нагой)*.

Анализ имен святых XV–XVI веков, как и списка святых Русской Православной Церкви, не выявил прямого соответствия с предложенным агеоантропонимом, но отдельным характеристикам моделируемому агеоантропониму соответствует святой *преподобный Арсений Новгородский, Христа ради юродивый* (1570), – монах, которому, согласно агеографическому тексту, была свойственна молитвенность, прозорливость, юродство. Однако соответствия на этом заканчиваются. Структура (но не имя) агеоантропонима соответствует также еще одному святому – *преподобный Галактион Белозерский, блаженный, юродивый Христа ради*. Однако в житиях Арсения Новгородского и Галактиона Белозерского не находим многих конкретных фактов, о которых повествуется в романе Водолазкина. Не следует забывать,

что это художественное произведение, и автор имеет право на вымысел и смысловые смещения.

В романе Водолазкина создан обобщенный образ святого, соответствующий пониманию духовности на Руси в XV–XVI века. Следует, однако, сказать о различном, противоположном понимании духовности в Православной Руси, под влиянием которых сложилось два типа святости. Согласно Нилу Сорскому, святость предполагала отшельническое уединение, молчаливое созерцание, свободу от материальных и имущественных ценностей и под. Иосиф Волоцкий призывал монашество к деятельной общественной роли, к выполнению социальных программ, к поддержке действующей власти, к просветительской работе, государству же приписывалась роль укрепления экономического и социального статуса Церкви [Драч 2005, 84–85; Малков]. Заметим, что Нил Сорский был монахом Кирилло-Белозерского монастыря и основатель скитского подвижничества на Руси.

Образ Арсения соответствует представлению о святости, сложившемуся в кругу сторонников Нила Сорского – «нестяжателей». Соответствия жизненным коллизиям, поступкам Арсения находим в житиях многих христианских святых – Василия Блаженного, Арсения Новгородского, Варлаамия Керетского, блаженной Ксенией Петербургской. Так, например, в романе представлен эпизод, когда Арсений выплеснул из бокала драгоценную жидкость – вино, чем разгневал князя. А юродивый Фома пояснил: он заливал пожар в Новгороде. Этот факт находим в житии блаженного Василия Московского. Арсений принял имя своей невенчанной жены; подобное свойственно блаженной Ксении Петербургской, переодевшейся в одежду покойного мужа и принявшей его имя – Андрей Федорович (конец XVIII – начало XIX вв.). Арсений выходил раненного волка, который был ему другом и защитником, делил свою пещеру с медведицей, а Франциско Ассизский «договорился» со старым и больным львом, который поселился в городе и перестал пугать его жителей.

Чудотворение Арсения – Лавра заключалось в его даре целителя. Чудом исцеления при жизни и посмертно были наделены многие христианские подвижники. Как пример приведем имена святых Русской Православной Церкви: преподобный Сергей Радонежский, преподобный Александр Свирский, преподобный Ферапонт Моизенский и многие другие, а также Православная церковь прославляет святого врача великомученика Пантелеймона Великого.

Проведенный анализ позволил решить поставленные задачи. Но остается вопрос: «Почему роман называется *Лавр*?». Герой, как узнаем из романа, был прославлен как Арсений, как Арсений Врач. Имя Лавр появляется в самом

конце романа, и его нет в списке русских святых Православной Церкви. Антропоним *Лавр* восходит к греческому названию вечнозеленого дерева; имя собственное *Лавр* в многочисленных лексикографических источниках интерпретируется как «торжество», «победитель». В романе это имя заключает в себе результат всех жизненных усилий, поступков, устремлений героя романа: он Победитель – силой своей любви, непрестанной молитвой освобождает Устину и себя от земных оков.

В истории стран и народов представления о духовности выражаются в этических, культурных, философских, теологических воззрениях. Духовность как универсальная категория актуальна для различных областей знаний всех времен и народов, но также для творческого осмысления художниками, музыкантами, писателями, поэтами, что позволяет квалифицировать ее как «вечная тема», не теряющая злободневности. Духовность – подвижная, размытая категория; в различных социально-исторических условиях внимание познающих субъектов сосредотачивается на частных ее проявлениях. Однако следует отметить, что интерес к духовности как «вечной теме» активизируется в период социальных и политических обострений, культурных кризисов. В наше время делаются попытки осознать духовность в ее глобальном масштабе, понимая духовность как причинно-следственную энергетическую взаимосвязь между Человеком и Вселенной, где «экология сознания и экология природы взаимно влияют друг на друга. Духовность – это расширенное сознание ответственности человека за вселенское бытие, это восходящая эволюция человеческого сознания» [Мантатоов 2014, 155]. Но пример любви, верности, служения людям и Богу остается актуальным для современного человека, о чем свидетельствует читательский интерес к роману Водолазкина *Лавр*.

Библиография

- Bugaeva Irina Vladimirovna. 2010. *K voprosu o strukture sakral'nogo onomastikona*. «Слово». (online) <http://www.portal-slovo.ru> (dostup 13.08.2018) [Бугаева Ирина Владимировна. 2010. *К вопросу о структуре сакрального ономастикона*. «Слово». (online) <http://www.portal-slovo.ru> (доступ 13.08.2018)].
- Drach Gennadij Vladimirovich. 2005. *Kul'turologiya*. Rostov-na-Donu: «Feniks» [Драч Геннадий Владимирович. 2005. *Культурология*. Ростов-на-Дону: «Феникс»].
- Fesenko Ehmiliya Yakovlevna. Ya. 2008. *Teoriya literatury*. Moskva: Akademicheskij projekt. Fond «Mir» [Фесенко Эмилия Яковлевна. Я. 2008. *Теория литературы*. Москва: Академический проект. Фонд «Мир»].
- Fort Karmina. 2006. *Besedy s Karlosom Kastanedoj*. V: Kastaneda Karlos. *Lekcii i interv'yu*. Moskva: «Sofiya» [Форт Кармина. 2006. *Беседы с Карлосом Кастанедой*. В: Кастанеда Карлос. *Лекции и интервью*. Москва: «София»].

- Gusejnov Abdusalam Abdulkerimovich, Kon Igor' Semenovich. 1989. *Slovar' po ehlike*. Moskva: Politizdat [Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, Кон Игорь Семенович. 1989. *Словарь по этике*. Москва: Политиздат].
- Imena svyatyh, upominaemyh v Mesyaceslove: Imena muzhskie*. «Pravoslavnyj kalendar'». (online) <http://days.pravoslavie.ru/ABC/mw.htm15> (dostup 21.08.2018) [*Имена святых, упоминаемых в Месяцеслове: Имена мужские*. «Православный календарь». (online) <http://days.pravoslavie.ru/ABC/mw.htm15> (доступ 21.08.2018)].
- Kamalova Alla Alekseevna. 2017. *Ob individualizacii sakral'nogo imeni (na materiale imen svyatyh v Kalendare Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi)*. «Gumanitarnyj vektor» Т. 12, № 5: 6–12 [Камалова Алла Алексеевна. 2017. *Об индивидуализации сакрального имени (на материале имен святых в Календаре Русской Православной Церкви)*. «Гуманитарный вектор» т. 12, № 5: 6–12].
- Kozlov Vladimir Vasil'evich. 2007. *Integrativnaya psihologiya: Puti duhovnogo poiska, ili osvushchenie povsednevnosti*. Moskva: Psihoterapiya [Козлов Владимир Васильевич. 2007. *Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности*. Москва: Психотерапия].
- Lotman Yurij Mihajlovich. 1992. *Izbrannye stat'i. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta*. Tallin: Aleksandra [Лотман Юрий Михайлович. 1992. *Избранные статьи. Семиотика культуры и понятие текста*. Таллин: Александра].
- Malkov Georgij, diakon. *O duhovnyh «sodrugah» – prepodobnyh Iosife Volockom i Nile Sorskom*. «Pravoslavie.ru». (online) <http://www.pravo-slavie.ru/49299.html> (dostup 24.08.2018) [Малков Георгий, диакон. *О духовных «содругах» – преподобных Иосифе Волоцком и Ниле Сорском*. «Православие.ру». (online) <http://www.pravoslavie.ru/49299.html> (доступ 24.08.2018)].
- Mantatov Vyacheslav Vladimirovich. 2014. *Etiko-ehkologicheskaya paradigma ustojchivogo razvitiya i projekt ehkotsocialisticheskoy civilizacii*. «Vestnik VSGUTU» № 4: 151–155 [Мантатов Вячеслав Владимирович. 2014. *Этико-экологическая парадигма устойчивого развития и проект экосоциалистической цивилизации*. «Вестник ВСГУТУ» № 4: 151–155].
- Nicshе Fridrih. 2000. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo*. Rostov na Donu: «Feniks» [Ницше Фридрих. 2000. *Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого*. Ростов на Дону: «Феникс»].
- Nicshе. V. 2005. *Istoriya filosofii*. Red. Vasil'ev V.V., Krotov A.A. Moskva: Akademicheskij projekt [Ницше. В. 2005. *История философии*. Ред. Васильев В.В., Кротов А.А. Москва: Академический проект].
- Novaya filosofskaya ehnciklopediya*. 2010. Т. 1. Moskva: Mysl' [Новая философская энциклопедия. Т. 1. Москва: Мысль].
- Sabekiya Raushana Bejsenovna. 2013. *Kategoriya «Duhovnost'» v sovremenном humanitarnom znanii*. «Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya» № 4. (online) <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9705> (dostup 5.11.2018) [Сабекия Раушана Бейсеновна. 2013. *Категория «Духовность» в современном гуманитарном знании*. «Современные проблемы науки и образования» № 4. (online) <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9705> (доступ 5.11.2018)].
- Svyatyе: chiny svyatyh*. «Russkij palomnik». (online) <http://www.idrp.ru/svyatie-lib716> (dostup: 9.09.2017) [*Святые: чины святых*. «Русский паломник». (online) <http://www.idrp.ru/svyatie-lib716> (доступ 9.09.2017)].
- Uspenskij Boris Andreevich, Uspenskij Fedor Borisovich. 2017. *Inocheskie imena na Rusi*. Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya [Успенский Борис Андреевич, Успенский Федор Борисович. 2017. *Иноческие имена на Руси*. Москва–Санкт-Петербург: Нестор-История].
- Vodolazkin Evgenij. 2017. *Lavr. Neistoricheskij roman*. Moskva: Izdatel'stvo AST [Водолазкин Евгений. 2017. *Лавр. Неисторический роман*. Москва: Издательство АСТ].

Summary

Spirituality and holiness in the novel by Eugene Vodolazkin *Lavr*

The article is devoted to spirituality as an actual category of the scientific and cultural paradigm of the 20th century, spirituality is qualified as an “eternal theme”. The author emphasizes the “fuzziness of the theme,” speaks about the complexity of its definition, as well of ambiguous understanding in various socio-historical periods. Spirituality as an eternal topic of fiction is discussed on the example of the novel by Evgene Vodolazkin *Lavr*. *Lavr* – is a hagiographic novel, which describes the life and spiritual path of the doctor in Medieval Russia. The author emphasizes the actuality of the novel *Lavr* for modern Russia.

Key words: spirituality, holiness, Medieval Russia, agioantroponym

Kontakt z Autorką:
aaka46@rambler.ru